

МЕТОД
ВЕЩИН
ДЕТЕКТИВ
ГАЛИИ
РОМАНОВОЙ

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	жизнью и смертью
Встретимся в другой жизни	Любовь окрыляет
Я – его алиби	Единственная моя
Девушка с секретом	С первого взгляда
Блудница поневоле	Второй подарок судьбы
Неплохо для покойника	Зеленые глаза викинга
Стервами не рождаются!	Тайна, приносящая смерть
Дожить до утра	Цвет мести – алый
Крестный папа	Не доставайся никому!
Ничто не вечно под луной	Чужая жена – потомки!
Миллион причин умереть	Возвращаться – плохая примета
Рыжая-бесстыжая	Врачебная тайна
Охотники до чужих денег	Призрак другой женщины
Мужей много не бывает	Тайну хранит звезда
Ты у него одна	Семь лепестков зла
Любитель сладких девочек	Свидание на небесах
Игры в личную жизнь	Ведьма отмщения
Черт из тихого омута	Программа защиты любовниц
Обмани меня красиво	Кинжал в постели
Старая тайна, новый негодяй	Гнев влюбленной женщины
Миллионерша поневоле	Лучший день в году
Внимание: неверный муж!	Нирвана для чудовища
В любви брода нет	Незнакомка с тысячью лиц
Последняя ночь с принцем	Последнее прибежище негодяя
Осколки ледяной души	Счастье с третьей попытки
Счастье по собственному желанию	Подвенечный саван
Любвеобильный джекпот	Заклятие счастья
Длинная тень греха	Торговка счастьем
Личное дело соблазнительницы	Амур с оптической винтовкой
Большие проблемы	Мсть Спящей красавицы
маленькой блондинки	Демон ревности
Красотка печального образа	Преступно счастливая
Ночь с роскошной изменницей	Изменница поневоле
Окно в Париж для двоих	Закон сильной женщины
Лицензия на happy end	Без вины преступница
Черная корона	Пленная птица счастья
Рыцарь чужой мечты	Ничего личного, кроме боли
Демон искушения	Заговор обреченных
Грешница в шампанском	Узнай меня
Принцип Отелло	Заповедник потерянных душ
Исполнительница темных желаний	Ангел мщения
Жизнь нежна	Первый шаг к пропасти
Мода на чужих мужей	Вкус запретного плода
Пока смерть не разлучит нас	Исповедь обманутой жены
Завтра не наступит никогда	Свидетельницы зла
Пять минут между	Королева отшельников

ГАЛИНА РОМАНОВА

РАСПЛАТА ЗА НАИВНОСТЬ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *К. Гусарева*
Редактор серии *Т. Масленникова*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Расплата за наивность : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-106387-0

Смерть идет за ней следом, не щадя тех, кто готов ей помочь. Чтобы выжить, ей придется стать сыщиком и убийцей, охотником и зверем. Теперь она усвоила простую истину: оказывается, не всякий друг надежен и не всякий преступник — враг. А началось все весенним утром, когда молодая мать нашла в луже дорогой бумажник с суммой, которую сама вряд ли смогла бы заработать и за год...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2019
© Оформление.
ISBN 978-5-04-106387-0 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

«Мы не знаем, сколько продлится наша любовь, как не знаем, сколько продлится наша жизнь».

Ларошфуко

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

С утра зарядил нудный дождь. Вот тебе и весна! Когда такая погода, тут уж не до хорошего настроения. А если все трещит по швам, то вообще...

«Нужно где-то раздобыть денег. Если завтра не заплачу за садик, Стаське откажут в месте. И сапоги текут. Надо же было еще и дождю этому пойти!» — Алка с тоской смотрела на хмурящееся небо.

Она собралась переходить дорогу, когда какой-то лихач на бешеной скорости врезался в самый центр лужи, через которую ей предстояло еще переправиться. Брызги оросили ее лицо, и живительной эту влагу можно было назвать с очень большой натяжкой.

— Нормально! Что дальше? Денек лучше некуда. Куда же здесь наступать, — ворчала Алла, нацеливаясь на единственный кирпич, торчавший в середине лужи. Поставив одну ногу, она совсем было собралась прыгнуть на сухой участок, но определенно что-то сегодня было не то с координацией движений, потому что каблук упрямо пополз с кирпича и вторая нога благополучно зачерпнула водички по самую шиколотку, попутно поддев что-то со дна этого,

с позволения сказать, озерца. — Так, а это что ж такое, — чуть не со слезами пробормотала Алла.

На краю лужи лежал мужской бумажник! Самый настоящий бумажник. Опасливо озираясь, она нагнулась, подхватила находку и кинула в пакет.

— Потом рассмотрю, вдруг ребята шутят, — но против обыкновения рядом никого не было и в кустах никто не хихикал, только алкаш ходил кругами и собирал бутылки. — Надо лететь, а то опоздаю да нарвусь еще на недовольный взгляд начальника.

Рабочий день подходил к концу. Это был самый длинный день за последнее время. Находка жгла каленым железом, любопытство распирало аж до головной боли: «Скорей бы домой».

Закрыв квартиру на замок, еле успев сбросить сырые сапоги, Аллочка кинулась на кухню, вытрясла содержимое пакета на кухонный стол и принялась с пристрастием рассматривать.

— Так... портмоне кожаное, по всей видимости, дорогое, если, полежав в луже, почти не пострадало, — приговаривая, она медленно и осторожно расстегнула его, как будто оно могло исчезнуть или взорваться — Вот это да! — прямо на нее смотрело лицо греческого бога.

Под слюдой была вставлена фотография мужчины, причем настолько красивого, что у бедной Аллочки дыхание перехватило: «Везет же некоторым!» Заглядывая поочередно во мно-

жественные отделения, она извлекла на свет божий водительские права международного класса на имя Портнова Игоря Ивановича, какие-то обрывки бумаг с номерами телефонов и внушительную пачку долларов. Не столь уж толстую, но плотненькую.

Боже ты мой! Боже ты мой! Ей хотелось скакать, летать и неизвестно что еще делать от ликования. Кинувшись пересчитывать деньги, Алла не сразу обратила внимание на плоскую железку, выскользнувшую из потайного кармашка бумажника.

«Тысяча баксов, вот привалило-то, да так можно хоть каждый день нырять в лужи, — но умом понимала, что молния дважды в одно место не ударяет. — Денежки! Как вас много, как же вы своевременно!»

Аллочка считала их, пересчитывала по нескольку раз, боясь поверить в свою удачу.

«Так, все, пора в садик за Стасом, а то на радостях и про ребенка забыла. Вот кутнем сегодня, так кутнем. Надо все быстренько убрать, чтобы малыш лишних вопросов не задавал, а то со своей любознательностью и детской непосредственностью подведет мать под монастырь, — начав прибирать стол, Алла наконец заметила то, на что до сего времени не обращала внимания. — А это что за штуковина такая?». В руках у нее была маленькая плата, во всяком случае напоминавшая таковую, 5 на 5 см, со множеством хромированных мельчайших деталей, впаянных то там то сям. «Ерунда какая-то, зачем хранить в бумажнике какую-то плату? Если только этот парень Игореша не телемас-

тер, но, судя по прикиду и внешности на фотке, на телемастера явно не тянет, да и штука баксов просто так в бумажнике не у каждого бывает. Что-то тут не так — рассуждала она про себя. — Ладно, забегу к Сереге, этажом выше, все равно деньги где-то обменять надо, не в банк же идти. В нашем захолустье сразу все станет известно. Откуда, скажут, у Алки доллары? А Серега парень верный, да и в электронике рубит как никто, так что и про плату спрошу».

Праздничный семейный ужин подходил к концу. Стаськина рожица прямо сияла от удовольствия:

— Мамуля, ты сегодня зарплату получила?!

— Да, сыночка, получила, — Алка загрустила. Эту зарплату уже четвертый месяц задерживают, приходится перебиваться шабашками. — Ты кушай, кушай.

Мордочка сына вся была перемазана шоколадом, кремом и излучала такую радость, что у Алки сердце заныло.

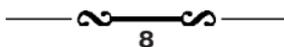
— Все, милый, давай уберемся, ты поиграешь, а я к дяде Сереже поднимусь, спрошу — не починил ли наш магнитофон, хорошо?

— Хорошо, мамуль, только ты недолго, я ж без тебя не могу.

Серега открыл только на пятый звонок.

— Спишь, что ли?

— Нет, работаю, — недовольно скользнув по Алке взглядом, он двинулся на кухню, где у него была импровизированная телемастерская. — Чего приперлась?

— Ты сама любезность, — фыркнула Алла. — Раз в месяц захожу, должен был соскучиться, а ты вроде как не рад?

— Ладно, не заводись, — примирительно протянул Серега. — Случилось что-то важное, раз моя несравненная почтила меня своим присутствием? Ведь так, я прав?

— Как всегда, — судорожно вздохнув и потупив глазки, Аллочка проямлила: — Сереженька, ты мне баксы не обменяешь?

— Сколько?

— Штуку.

Пауза после этой фразы грозила перерасти в немую сцену из благословенного произведения известного классика. Серега резко развернулся на своем стуле-вертушке и пригвоздил ее взглядом. Аллочка заерзала под этим взглядом.

— С ума сойти! Как растет благосостояние российских матерей-одиночек! Где ж ты банк сорвала, мышка ты моя? — Серега, напряженно прищурившись, смотрел на нее в упор. — Или на панель решила пойти на старости-то лет? Так на тебя там спросу нет, параметры твои далеки от мировых стандартов, да и чтобы срубить такую сумму, сколько трудиться-то надо, а?

— Помнится, не в столь далеком прошлом ты от моих стандартов был без ума, — съязвила Алла, — замуж даже звал, причем очень настойчиво и не раз.

Вот этого говорить не следовало, потому что лицо его приобрело землистый оттенок и он рывкнул что есть мочи:

— Где баксы взяла, тварь?! Говори!

— Нашла! И не ори на меня! Я не какая-нибудь там... — Алла шмыгнула носом и уткнула голову в грудь.

Надо сказать, Серега не переносил женских слез вообще, а ее слез не переносил особенно, сработало и на этот раз:

— Ладно, не обижайся, рассказывай, — примирительно буркнул он, — только не ври, потому как знаю я тебя не первый год, и когда ты начинаешь врать, знаю доподлинно, невзирая на твои честные очи, которые ты любишь лупить на меня при этом.

Еще раз всхлипнув для порядка и укоризненно глянув в его сторону, чтоб он почувствовал себя совсем виноватым, Алла начала свой рассказ, а заканчивая, выложила перед Серегой все вещдоки.

— Дела, — протянул он, поочередно беря в руки то один, то другой предмет. — Ты хоть понимаешь, во что опять влипла? У тебя мания какая-то притягивать к себе неприятности, как громоотвод какой-то.

— Сереж, ну обменяй денежки, а?

— Ты сказала штука, а тут десятки не хватает.

— А я перед магазином разменяла, у молодых каких-то, должна я была Стаську накормить сегодня или нет? У него скоро на макароны и картошку аллергия начнется.

— Нет, ну молодец, а! В банк она побоялась пойти, а на улице разменяла! Причем не у пожилого приличного мужчины, а выбрала молодых говнюков, которые завтра на тебя пальцем укажут и сдадут по чистой!

Сергеа замолчал и уставился куда-то вдаль, причем далью служила прокопченная стена над газовой плитой. При этом он не спеша раскачивался на своем любимом стуле, что было явным признаком глубоких размышлений.

Алка сидела ни жива ни мертва. Не потому, что чувствовала себя виноватой, а потому, что знала: когда Серега думает, мешать не смей, а думать он любил и умел, да так надумает, что сначала его умозаключения кажутся бредом, а время пройдет — и все по его будет.

Серегу она знала с детства, тот был закадычным дружком ее брата, непутевого Кольки. Стоит сказать, что непутевым брат стал не вдруг и не сразу. А способствовал этому ряд событий, причем таких уважительных, что, глядя на него, в очередной раз пьяного до умопомрачения, Алка вздыхала, но все прощала.

Сергеа всегда помогал другу, но вставить в его голову свои мозги не мог, да и вряд ли ему хотелось расставаться с ними. Привык!

Сколько себя помнила Алла, Серега ее любил, во всяком случае, до недавнего времени, а началось это еще со школы. Прибегут с тренировки, Колька начинал по кастрюлям шарить да на Аллу покрикивать: «Разогревай быстрее!», а Серега к стенке привалится, пялится на нее и улыбается — тихо так, нежно, с какой-то затаенной грустью в глазах. Поначалу она на него и не смотрела, но когда он начал оказывать ей внимание в виде вынесенного за нее мусорного ведра, шоколадки, которую тайком от Кольки совал ей в карман, или букетика подснежников,

которые буквально отогревал из-под снега, то Алла призадумалась: с чего бы это такое отношение?

Братец не способствовал возникновению никаких симпатий ни с чьей стороны, наоборот, всегда стремился высмеять ее или лишний раз поиздеваться. Не так чтоб уж очень, но Алла обижалась до смерти, когда ей оставалось дочитать любимый роман, ну всего каких-то десять страниц, а он прятал его и ни за что не отдавал. Или соберутся с подругами на каток, а он из ботинок шнурки вытащит и гаденько так улыбается и плечами пожимает.

Вот и призадумалась Алла, а не извлечь ли выгоду из симпатий-то Серегиных, все лишний раз от Колькиных измывательств защита будет, и давай улыбаться ему в ответ. Надо сказать, что Серега умел защищать то, что любил и считал своим. С Колькой они пару раз подрались. От Аллы Колька отстал, но на друга злобу затаил. И если бы не его величество случай, то дружба их навсегда бы распалась.

А случилось так, что Колька попал в неприятную историю, и если бы не вмешательство бывшего друга, то взгрели бы его как следует, но Серега сумел не только невиновность друга доказать, но и пару носов при этом расквасить. С той поры эта троица больше не разлучалась, только теперь Алку и брат защищал да похлеще дружка своего блюсти стал. Не дай бог она улыбнется кому на улице, сразу вопросов куча: кто, да откуда, да ты смотри у меня, и все в таком же духе.

От воспоминаний ее отвлекла Серегина коронная фраза:

— Да, мать, влипла ты по уши!

— Что, Сергунчик, все так плохо?

— Сергунчик, — передразнил он. — Хуже не бывает, потому как физиономия эта мне знакома, парень из крутых, и не из каких-то там уездных, а из Москвы, и думается мне, что так просто это все не сойдет. А бумажник он свой искать будет, и непременно.

— Что ему, денег так, что ли, жалко? Подумаешь, штука баксов! Если он крутой такой, то этих бабок у него, как у дурака махорки.

— Идиотка, — снисходительно обронил Серегина, — не в деньгах дело, а в этой вот железке.

С этими словами он откинулся на спинку, взял со стола вышеупомянутый предмет и стал внимательно разглядывать его, причем то к глазам подносил, то к свету, вроде как вещь эта была бриллиантом в энное количество карат.

— Ладно тебе усугублять, плата как плата. — Алла повела рукой в сторону его стола: — Вон у тебя этого добра сколько. Будет он из-за какой-то ерунды кататься взад-вперед из Москвы. У него небось время расписано по минутам, а деньги я все равно потрачу, мне сапоги нужны, а Стаське — куртка на меху на зиму. Вот такое мое слово, Сереженька! И если ты не будешь менять деньги, я пойду к этим ребятам и все остальное поменяю.

— Только попробуй, я ведь не шучу, милая, дело дрянь. А денег я тебе дам столько, сколько нужно.

Поежившись под его серьезным взглядом, Алка начала наконец понимать, что Серега так просто усложнять не будет и что надо посидеть, помолчать и послушать, что он говорить будет. А что говорить он будет, сомневаться не приходилось, слишком уж серьезным он был, таким она его видела только однажды, когда последний раз он просил ее выйти за него замуж...

— Все это, — он указал на вещи, принесенные Аллой, — оставляешь у меня, денег я тебе дам, и попробуй отказаться — не для тебя даю, а для Стаськи. Никуда не высовывайся, заляжь и молчи, поняла?!

— Да, но...

— Никаких «но», помалкивай, а то дождешься. Буду вынужден применить контрмеры.

— Какие контрмеры? — оторопела Алла.

— А вот возьму и перееду этажом ниже. Твоего благословения не дождешься, а защищать я тебя поклялся лет двадцать назад, так что помалкивай.

С этими словами Сережа улыбнулся давно забытой тихой, нежной улыбкой, которой он не улыбался ей несколько лет.

Странно подействовала на нее эта улыбка, внутри разлилось некое тепло и стало как-то уютно и надежно.

«Вот это да, чего это я, — думалось Аллочке, — это всего лишь Серега, верный друг!»

Подумав, вздохнула: «Черта с два! Это для тебя он друг, брат почти, а как на друга на тебя он никогда не смотрел, а как на девушку свою, причем самую лучшую».

Спускаясь домой, Алла разговаривала сама с собой и не находила ответа на вопросы, которые всплывали из ниоткуда.

— Что-то я совсем раскисла, — открывая дверь и включая свет в прихожей, Алла машинально глянула в зеркало. Оттуда на нее смотрело лицо молодой, интересной женщины с налетом таинственности, сквозившей в глубине ее огромных глаз.

«Что я сделала в своей жизни не так? Когда я ошиблась?» — спросила она себя, но ответа не было. Вернее ответ был, но он настолько не нравился ей, что приходилось загонять его вовнутрь поглубже и не извлекать оттуда. Четко сформулировать его для себя означало опять испытать ту мучительную боль, которая только-только начала утихать, покой и умиротворение едва воцарились в душе. Так что нечего в себе копать!

Алла прошла в комнату. Конечно, сыночек спал, как зайчик, убрал все игрушки и спал, положив головку на любимую подушку-медвежонок. Когда Алла смотрела на спящего сына, ей всегда хотелось плакать — до того незащищенным и уязвимым он был: «Нежный, любимый малыш, радость моя!.. Ну, хватит, пора дать себе отдых. День сегодня такой насыщенный, что эмоций хватило бы на несколько последних месяцев».

Уже засыпая, Алла услышала, как хлопнула дверь наверху и по ступенькам затопали Серегины ботинки.

«Куда это он на ночь глядя? Ведь работал